

Исайчев Дмитрий Владимирович,

магистрант второго года обучения;

научный руководитель – Тимонин Анатолий Николаевич,

д-р юрид. наук, профессор кафедры теории государства и права,

Институт права, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»,

г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

**АНАЛИЗ ТЕНДЕНЦИЙ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОСИСТЕМ В РАМКАХ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ:
ЕВРАЗИЙСКАЯ И ЗАПАДНАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ**

В данной работе анализируются современные тенденции глобализации, рассматриваются процессы внутренней и внешней интеграции стран, объединенных в те или иные политико-экономические союзы. Автором также сравниваются процессы гармонизации сотрудничества стран, находящихся на разной ступени экономического и правового развития.

Ключевые слова: глобализация, правовая рецепция, международное право, экономико-политические союзы.

Dmitrij V. Isajchev,

second-year graduate student,

research advisor - Anatolij N. Timonin,

doctor of juridical science,

professor of the theory of state and law department,

The Institute of law, FSBEI HE «Bashkir state University»,

Ufa, the Republic of Bashkortostan, Russia

**ANALYSIS OF FORMATION TENDENCIES OF MICROSYSTEM WITHIN
THE FRAMEWORK OF GLOBALIZATION:
THE EURASIAN AND WESTERN DEVELOPMENT PARADIGM**

The article is devoted to the analysis of the current globalization trends and the review of internal and external integration processes of countries united in various political and economic unions. The author of the article also compares the harmonization processes of cooperation among countries at different stages of economic and legal development.

Keywords: globalization, legal reception, international law, economic and political unions.

Глобализация несёт в себе неоднородность, как между странами, так и между субгосударственными образованиями. В этих условиях борьба экстравертных и интровертных, то есть ориентированных соответственно на внешний и внутренний рынок, регионов создает предпосылку для определённого государственного распределения централизуемых ресурсов. Кроме того, деятельность регионов на международной арене должна осуществляться в рамках единого правового поля. Данные тенденции авторы статьи выделяют и в рамках формирования евразийского правового поля: Евразийское экономическое сообщество имеет право заключать договоры с государствами, международными организациями, приобретать имущество и распоряжаться им, открывать счета и совершать финансовые операции. Евразийский экономический союз начал функционировать с 1 января 2015 года, с вступлением в силу Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, где в рамках заключенных договоренностей устранены барьеры для свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, реализуется согласованная политика в ведущих отраслях экономики и идёт процесс наднационального регулирования Союза. Принцип свободного движения товаров предусматривает устранение изъятий из режима свободной торговли и снятие ограничений во взаимной торговле на основе унификации таможенных тарифов, формирования общего таможенного тарифа, установленного на основе согласованной государствами-участниками методики, мер нетарифного регулирования, применения инструментов регулирования торговли товарами с третьими странами.

Некоторые страны намеренно способствуют изменению внутреннего климата, чтобы сделать свои регионы более конкурентоспособными и привлекательными для инвестиций. Сегодня наиболее распространённой формой сотрудничества государства и регионов являются свободные экономические зоны.

Итак, что же такое глобализация государства как центрального элемента политической системы общества? Само значение слова полагает, что речь идет о процессе формирования установленной мировой целостности, единой мировой системы. Однако этот процесс в разных формах идет с момента возникновения человечества, и непонятно, почему о нём так много стали говорить именно сейчас. Мало что даст и определение глобализации как взаимозависимости стран и народов. Эта взаимозависимость в тех или иных формах существовала всегда. Иногда глобализацию определяют как возрастающую гомогенизацию мирового сообщества. Но и гомогенизация в различных формах происходила на всем протяжении человеческой истории. Некоторые авторы определяют глобализацию как возникновение и распространение институтов и практик, позволяющих эффективно соединять разноречивые тенденции. Но разве это не было задачей и целью вообще всех институтов, создаваемых людьми во все времена? При анализе видно, что все эти определения правомерны, но им не хватает одного существенного свойства: они слишком широки для того, чтобы определить ту конкретную форму, степень в развитии взаимозависимости, в формировании единой мировой системы, тот особенный характер и механизм гомогенизации общества, ту особую специфику и новизну общественных институтов, которая и получила название глобализации.

Глобализация – это не формирование единой мировой системы в целом, а определенный этап её создания. В чем же особенность этого этапа движения к целостному миру?

Суть современного этапа можно определить как эрозию, кризис традиционных формальных политических, экономических и социальных институтов и связанных с ними форм социальной интеграции контроля и управления. Современный этап формирования единой мировой системы связан с быстро прогрессирующим переходом реальных функций обуславливающего влияния и контроля над обществами от формальных суверенных государственных и общественных институтов к неформальным структурам

глобального влияния. Их могут представлять транснациональные корпорации, политические объединения, влиятельные финансисты и политики, международные террористические группы, крупные информационные империи, просто влиятельные фигуры в международных финансовых и экономических организациях, воротилы теневого бизнеса и т.д. Именно передача реальных функций интеграции, управления и контроля в обществе неформальным политическим акторам ведёт к всё большему размыванию имеющегося суверенитета традиционных государственных систем и эволюции традиционной индустриальной государствоцентрической модели международной системы в целом [1].

В чём же основание кризиса традиционных индустриальных форм социальной интеграции, контроля и управления и, одновременно, стремительного нарастания значения неформальных политических и экономических структур, когда «тот» или «другой», уже в силу самой своей неформальности, являются «гражданами мира», т.е. имеют глобальную природу?

Рост значения неформальных структур контроля и влияния является необходимым следствием двух важнейших революций последнего времени, ознаменовавших собой глобальный переход от индустриального к постиндустриальному (информациональному) типу развития: революции в сфере информации и революции в сфере управления (точнее, революции в механизмах владения и контроля). Информационная революция, начавшаяся на Западе в 60-е годы XX века, разрушила технологическую монополию формальных политических структур на информацию о целом, ту самую информацию, которую раньше можно было иметь, передавать и контролировать только через институты формальной политической власти (государство, политические партии, министерства и т.д.) [2]. Революция в сфере компьютерных и информационных технологий породила возможность настоящего отделения функций по аккумуляции, обмену, формированию и распространению информации, влияния и контроля от традиционных

формальных политических и экономических структур. В этом смысле нынешний этап глобализации мирового экономического и политического пространства есть не что иное, как переход к новой модели мировой интеграции, соответствующей постиндустриальному, информационному типу развития.

Сегодня наметилась тенденция недооценивания возможности гармоничного сочетания индустриального и постиндустриального типов развития и, в этом смысле, недооценивания противоречивости, конфликтности и даже обратимости глобализационного процесса в целом. При том, что переход от индустриального к постиндустриальному обществу даже на Западе вовсе не был бесконфликтным и гармоничным, противоречия глобального постиндустриального перехода стали особенно острыми в то время, когда он вышел за пределы индустриально развитых рыночных систем и попытался включить в свою орбиту индустриальные системы распределительного, или этатистского, типа, сложившиеся на Востоке (так называемые социалистические системы).

Есть основания полагать, что события, происшедшие за последнее десятилетие в СССР, а затем в России, в определённой мере могут рассматриваться как срыв постиндустриальной трансформации распределительной модели индустриального общества, во многом обусловивший тот тип глобализации и те её противоречия, которые мы имеем на сегодня.

Анализируя большинство имеющихся определений индустриального общества, появившихся после К. Маркса, необходимо констатировать, что они строятся на поиске характерных черт, с одной стороны, сближающих «капитализм» и «социализм», а с другой – отличающих его от уже формирующегося в его недрах общества будущего – постиндустриального общества. Первый аспект является доминирующим у Дж. Гэлбрейта [3]. По его мнению, новое индустриальное общество базируется на индустриальной системе, которая представляет собой «мир корпораций, быстро развивающихся

в техническом отношении, обладающих огромными капиталами и сложной организационной структурой». Этот «мир» противостоит «сфере деятельности тысяч мелких традиционных собственников». Для этой сферы характерно централизованное планирование и отделение формального права собственности от реального распоряжения и контроля. «Один из выводов, вытекающих из этого анализа, – пишет Гэлбрейт, – заключается в том, что происходит широкая конвергенция различных индустриальных систем».

Второй, чуть позже возникший, подход к определению черт индустриального общества через его отличие от последующего типа последнего был предложен Д. Беллом. Так, из его работ мы узнаём, что «индустриальный сектор носит, прежде всего, производящий характер», что «он использует энергию и машинную технологию для изготовления товаров», а «постиндустриальный является обрабатывающим, и здесь обмен информацией и знаниями происходит, в основном, при помощи телекоммуникации и компьютеров».

Вообще, Белл [4] старается, по возможности, избегать прямых определений индустриального общества и совсем не случайно акцентирует свое внимание на описании и перечислении именно тех черт, которые, с его точки зрения, являются моментами и зародышами нового, уже не индустриального, или, как он говорит, постиндустриального общества. Исходя из этого, мы можем реконструировать основные параметры индустриального общества как отличного от постиндустриального.

Это сравнение может быть продолжено и далее. Несмотря на их эвристическое для своего времени значение, недостаток этих определений заключается в том, что они не выявляют главного, существенного, определяющего в ряду тех компонентов, которые они перечисляют как присущие индустриальному обществу. То же самое касается и постиндустриального общества. Дело не идёт дальше перечисления, часто весьма произвольного, черт, которые почему-то кажутся авторам не индустриальными, а уже постиндустриальными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1. Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. – 2000. – №1. – С. 31.*
- 2. Archer M.S. Sociology for One World: Unity and Diversity // International Sociology. – 1991. – Vol. 6. – № 2.*
- 3. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: Наука, 1969. – С. 45.*
- 4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Наука, 1999. – С. 82.*